

М.С.ГОЛЬДМАН

Запись на встрече политзеков 11-12 августа 1990г.

-... Лагерное население было поделено на несколько групп. Одни просто злобствовали, ругали все, но ничего не делали. Не очень много говорили, не много, были люди, которые ругали, но очень много читали, много осмыслили, но опять же ничего не давали мне. Была группа, в частности, наша группа, мы пытались воздействовать как-то на структуры государства и партии. Мы писали в ЦК партии, ЦК комсомола. Мы считали, что при всей наивности этих акций, мы были правы в том, что все-таки как-то воздействовали на тех людей, которые имели хоть какую-то власть. Мы написали письмо в ЦК комсомола, что нельзя сажать молодежь в этот лагерь, где и полицаи, и гестаповцы, и эсэсовцы, и то же самое написал один КГБист. Сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что это было немножко наивно, рассчитывать на перерождение этой партийной структуры. Но рассчитывать на прозрение участников этих структур - я до сих пор придерживаюсь этого мнения, и персонально, и в целом, надо рассчитывать, что кто-то когда-то прозреет, а иначе мы ничего не сможем сделать. Если мы будем считать, что это непоколебимый монолит, партия, будем ее только ругать и стыдить, то оттуда очень мало будет выходить к нам. А сейчас у меня в Липецке очень много друзей, которые вышли из компартии, или остались еще, но они остались и открыто заявляют с трибуны: я коммунист, но я приветствую демократическую партию России, которую мы организовали, потому что мы делаем общее дело, разваливаем партию изнутри, а вы действуете снаружи.

- Типа нашего Болдырева?

- Да, он заявил, что будет разваливать изнутри. Еще по по-

воду своих подельников. Это очень сложный вопрос, и вообще один из сложнейших вопросов: взаимоотношение в лагере между *Там очень много таких моментов было...* членами одной группы, между группами. Тут нужен очень опытный психолог, чтобы разобраться, много совершенно необъяснимых вещей. В лагере возобладал необольшевизм. Ленин в свое время затратил сил на борьбу со своими соратниками - эсерами, меньшевиками, - намного больше, чем на борьбу с царизмом. И почти то же самое было в лагере. И грызлись, и...

- А почему это происходило, вы не задумывались?
- Может, потому, что мы просто психически унаследовали этот большевизм, через какие-то структуры - все в комсомоле были, кто-то в партии был...
- То есть, через подавление группировок, преобладание?
- Там даже речь о подавлении не шла, но было какое-то легкое несогласие в тактике, предположим, оно возводилось в абсолют, потом конфронтация, ссоры ненужные...
- Были очень разобщены в лагере?
- Нет, я не сказал бы, что очень, но во всяком случае для того, чтобы выступить единым фронтом против лагерной администрации, нас не хватило. Мы в свое время сделали попытку, мы провели две голодовки - наша группа, не вся, а часть, и мы попытались сотрудничать с администрацией - в каком-то определенном порядке, но это была юрисдикция, порядок и без этого был, это не уголовный лагерь...
- Систему самоуправления ввести? *Что значит „сотрудничать“?*
- Нет, просто вошли в советы, стали, скажем, вести атеистическую пропаганду среди верующих, причем это было настолько оригинально, вы себе представить не можете. Он знают, что

делаем газету какую-то антирелигиозную, но у нас нет текстов Библии, а наши товарищи высокобразованные, Покровский Николай Николаевич, просто забыл тексты, а они нужны ему для работы. Так меня посылают к свидетелям Иеговы, говорю: слушай, дай тексты, а те говорят: слушай, ты же будешь против нас писать, я говорю: будем. Ну все равно, на. Я приношу тексты Николаю, он пишет, потом я возвращаю, он прячет при мне в тайник, я говорю: ну, хоть при мне-то не прячь, а то потом скажешь, что я на тебя стукнул. Он говорит: не скажу, не бойся. Там очень сложные взаимоотношения. Я сидел с 1957 по 1963. Трое моих товарищей сидели до 1967, один уже умер, а двое пока живы.

- Вы можете кого-нибудь назвать из тех, кто не сидел, но все равно был в вашей группе?

- Конечно, таких было очень много, потому что нас было 9 человек, а после нас составили список то ли на 12, то ли на 15 человек, плюс к этому, и хотели этих людей посадить, потому что там оснований было не меньше, чем у нас. Ирина Сорокова-нова, она доктор исторических наук, профессор МГУ, Натан Эйдельман, недавно скончавшийся, жена Краснопевцева, Люба, один очень известный историк, он тогда уже, в студенческие годы котировался очень высоко и составлял какие-то документы для Совета Министров и лично для Кагановича, Борис... не помню фамилии. У него нашли рукопись Краснопевцева, которая была одним из самых главных документов, у него она хранилась на квартире, они как-то вышли на него и заставили эту рукопись отдать.

- А в вашей группе были в основном историки?

- Из 9 человек было 7 историков и 2 инженера, я инженер.
- Вы считаете себя "жертвой" репрессии или нет?
- Работал, с интересом жил, я, конечно, много упущений сделал в лагере, но тем не менее у меня нет мысли о том, что я ~~постою~~ жертва. А то, что на воле было ~~было~~ мелкие неприятности, запретили ехать в Москву, Ленинград, Киев, причем, от кого это исходило... Ну, из Москвы меня дважды изгоняли, когда я был ~~меня не было всего 2 месяца~~ ~~в время работы~~, в командировке... (Перерыв в записи) Но активная борьба у меня не всегда была. Такая пассивная - это было всегда, на 100%, я говорил всегда то, что думал, на всех уровнях, в КГБ, когда я общался с ними по поводу моих изгнаний из Москвы, я протестовал и говорил им все, что думал. Последние 10 лет в Липецком КГБ был такой куратор нашего института, я ему все время говорил, у себя в институте я в течении 18 лет говорил все, что думаю. Но активного - как московские, ленинградские правозащитники, которые выступали с какими-то жестами, за которые их потом сажали, у меня такого не было.
- А родом вы откуда?
- Я москвич. Второй раз я сидел за оружие. Многие смеются: ~~это может...~~ Вы понимаете, ну, ты взрослый человек, а им недоступно. Когда меня посадили во второй раз, судья сказал моей жене, что мы его посадили за язык, и еще посадим. Это фашистующие элементы, которые могут сделать с инакомыслящими что угодно. Кстати, когда я приехал в Липецк, там только-только прошла кампания, было закрытое постановление ЦК о недопустимости антирелигиозной пропаганды в ряде областей, в частности в Липецке. Просто священники, которых нельзя было переубедить, их убивали. Одного из них ударили по голове, бросили в канаву, где он захлебнулся. И таких было в Липецке немало. И такое чувство,

что со мной могут сделать то же самое, оно меня угнетало. И для этого нужно было что-то сделать. И я сделал пистолет.

Вопрос: А кто донес?
К сожалению, недооценил... Донес мой приятель на работе, очевидно, это у него генетическое, у него отец был полицай где-то в Могилевской области.

- Не назовете его?

- Могу назвать, он работает со мной в одном институте, я всем его называю до сих пор, это ничтожный человек, мне его даже жалко, убогий, *ну*, что - вся его жизнь - это достать где-то кусок колбасы, уцелеть на работе... Он один из самых невинных, и в общем-то не стоит. Я до сих пор даже руку ему по-жимаю. Знаете, у меня нет 100% уверенности, что это он, но 99,99% есть, Но 0,01% остается, поэтому...

- А сколько вы отсидели во второй раз?

- 1,5 года, но в уголовном лагере, это не политический лагерь. Я сейчас тем, кто сидел в уголовных лагерях по 190-1, я им очень сочувствую, это страшное дело. (Пропуск) ...ну, может, отдельные недостойные элементы, а у нас это как правило было. Сажают к уголовниками, чтобы тебя сломать их руками, а потом уже сломанного кромсать на свой лад. (Пропуск).

..*По* поводу наших взглядов тогда и теперь. Во-первых, в нашей группе я лицо несколько инородное, потому что я не историк. Как попал туда? Я - школьный товарищ Меньшикова, который входил во все эти органы, и он меня привлек, естественно. Не знаю, какую роль они мне готовили, я не публицист, не историк, хотя история - это мое хобби, и вопросы мировоззрения, но этого недостаточно. Что я могу сказать про наши взгляды тогда? Тогда мы уже увидели, что структура нашего

общества порочна, что надо ее менять. И то, что мы восстали именно против Хрущева, я думаю, во многом определяет наше нынешнее положение, я прозрел это сейчас. Но вообще мне всегда казалось, что Хрущев стал сворачивать с пути демократизации, в этот момент мы против него и выступили. Мы тогда думали, что в этой структуре можно что-то возродить, мы не понимали, вернее, не до конца понимали, что порочна сама основа этого строя. Хотя, в чем сила моих товарищей, они уже тогда начали подходить к порочности самой основы, во-вторых, они поняли, что экономику не обманешь ни штыками, ни пистолетами, но, по-моему, они слишком в другую сторону уклонились. Они слишком фетишизовали экономические законы. Они забыли о том, что это не закон всемирного тяготения, который действует неотвратимо и ежесекундно, их ошибка была в том, что они думали, что экономические законы проявят себя немедленно. А немедленно не проявляются. Но это - некоторые. А другие говорили, что вообще в России ошибались на 100 лет...

- Кто был самыми близкими к современности в понимании проблем?
- Я не могу выделить какого-то человека, тем более, что даже на сегодняшний уровень информации все как-то неопределенно. Но, во всяком случае, они были одними из первых, кто поднял руку на марксизм, на ленинизм. Что значит - поднял руку: то есть, посмотрел на это явление критически. Поэтому что чтобы найти слабое звено, надо отнестись критически. Далее - кумиры. Я очень благодарен Краснопевцеву, что он пошатнул мое отношение к кумирам, в частности, к Ленину. Для этого он использовал анализ его трудов,^{его тактических приемов} Но, к сожалению, критика по отношению к Ленину не воспрепятствовало проникно-

вению в наши тактические приемы того, что называется большевизмом и ленинизмом, именно в тактическом отношении. Но во всяком случае, это были первые шаги, когда нашли в ленинизме безнравственное начало, тут они были одни из первых. И в этом отношении они превосходили намного группы всех тех лет, как историки, как люди, имеющие информацию...

- А откуда у них информация?

- Они имели информацию из разных источников. Прежде всего - спецхран. Но в спецхран ходили многие люди, и поэтому найти то, что нужно, надо иметь соответствующий независимый ум, ~~умение~~ анализировать. И что еще хочу добавить в отношении тех лет: информация была у нас изобильная. И до посадки, и особенно в лагере. Там мы встретились с сотнями, тысячами людей, которые и сидели долго, и в 30-х г.г., и эсеры с меньшевиками встречались, все это мы накапливали. Но все это переварить мы не могли не только потому, что это вообще тяжелая работа, а еще и потому, что осознать что-либо, нужно время. И какая-то атмосфера, в которой ты варьешься. Лагерь, конечно, способствовал этому. И для меня больше способствовал не столько лагерь, сколько мое положение на воле, когда я приехал, посмотрел, что творится, - вот тут я стал прозревать гораздо быстрее. Все было ясно: иска-
~~зана~~ ленинская линия, мы пытались ее выпрямить, ~~нас~~, естествен-
~~но, посадили,~~ - это до лагеря. А вот когда я вышел на волю, тогда... Причем только под воздействием партии, КГБ, проку-
ратуры судов и органов массовой информации, продажный ученых, - под их влиянием я начал леветь, прозревать. Хотя и тогда

у меня были иллюзии насчет коллективизации, насчет частной собственности... Это сейчас я понял, что частную собственность совершенно преждевременно отменили, особенно в сельском хозяйстве, в торговле, мелкотоварного производства - это была дурость, и тогда я это видел, но ~~тогда~~ я еще не смог... Теперь я уже верю, что частная собственность нужна и крупным хозяйственникам, хотя бы для сравнения, непременно. То есть, должны быть все формы собственности. Это достижение последних лет. По поводу многопартийной системы. Я всегда был сторонником многопартийной системы, мои товарищи в основном были сторонниками однопартийной системы. Я считаю, что это их большой минус.

- А они были членами партии?

- Членами партии были Обушенков и Краснопевцев. Но ~~были как раз~~ сторонники однопартийной системы ~~и~~ не члены партии.

Но, в общем, этот вопрос не был актуальным.

- Вы сказали, что в основном базировались на ~~трудах~~ Ленина.

А как вы относились к Марксу?

- Меня бесполезно спрашивать, как я относился к Марксу, потому что я считаю, что мое знание марксистских трудов совершенно недостаточно для того, чтобы делать выводы. Я всю жизнь относился к нему так же, как и сейчас, мое отношение к нему не изменилось: как в одной из политических теорий, одному из видов теории, направляющей в будущее. Меня всегда поражала материалистическая теория, я никогда не считал, что материализм ~~единственная философская~~ это теория, я считал, что должен быть дуализм, ~~запинкутае~~ цепочка: материальное первично и вторично духовное, и наоборот. Мы имеем массу примеров, когда материальное становится вторичным

марксисты и

по отношению к духовному. Меня всегда поражало, почему наши деятели партии и ученые проходят мимо этого, это же само собой очевидно. Однако все мои товарищи были ярыми материалистами, и это тоже помешало в какой-то степени продвинуться в те годы на более высокие ступени познания происходящего. Вообще я всю жизнь руководствовался здравым смыслом, и для меня некоторые ленинские утверждения, и марксистские утверждения неестественны. Например, когда Маркс, а вслед за ним Ленин утверждали, что для того, чтобы получить прибыль, будут эксплуатировать как можно больше оборудования, чтобы выжать из него все соки, мы даже тогда видели, даже я, человек, который был далек от той информации, которая была необходима, чтобы принять эти выводы, видел, что на Западе обновляется раз в три-четыре-пять лет, а у нас станки стоят десятилетиями и полувеками. Понятно, чтобы получить максимальную прибыль, надо модернизировать оборудование. Однако они продолжали додгонять свое. И вообще я пришел к выводу, что они

именно в том, что сумели преломить вложенный в них метод исторический, политический, над ними давно частично - он не пускал двинуться дальше, но они все-таки сумели преодолеть, не везде, не всегда, но это вообще страшная вещь - суметь преодолеть это, я считаю, они просто герои в этом отношении. Над ними висели и традиции семей, и воспитание детских лет, и бешеная пропаганда вокруг, и научно-обывательская среда, это все очень тяжело было преодолеть. Из этой научно-обывательской среды вышли все те, кто потом травили Сахарова, которые превратили нашу науку в базар, на котором торгуют не идеями... Они делятся не по принадлежности к идеям, а по принадлежности к кланам, каж-

Скажем, мы не были способны бунтовать, мы не разорвали еще психологически, политически с этой системой. В этой системе нас выродили, воспитали и, хотя мой дед погиб в лагере, мой отец сидел дважды, я сидел дважды, тем не менее в моей семье была очень просоветская атмосфера. У моей матери вообще никогда и мысли не было, хотя представляете ее жизнь, когда отец погиб, муж сидел, сын сидел, и тем не менее.

- Ваш отец сидел по политическим статьям?

- Нет, он не по политическим сидел, он сидел по уголовным делам, но все равно все было сфабриковано, это было наложение структуры, когда, может быть, он и был виноват, но его вина тянула максимум на год, ну - два года, это во втором случае. А в первом он получил десятку. А в первом случае он вообще не был виноват, я бы оправдал его поступок, а ему дали самую... Он был начальником станции, и ему во время бомбежки нужно было расташить горящие вагоны. А там был какой-то солдатик, которого отец-генерал пристроил на станции. Он ему говорит: давай, мол, работай, а тот в уголке сидит и бездельничает. Ну и как его заставить? По нашему уставу офицер, чтобы заставить солдата делать работу, имеет право применить оружие. Он хотел пальнуть в воздух. Но он ~~железнодорожник~~ с оружием не очень умел ~~профессиональный~~, раньше времени нажал курок и попал ему в бок, прострелил кожу, и ему дали не то четыре, не то пять лет. Ну, в те годы дали условно, и отослали куда-то, по-моему, на Воркуту, в Котлас, начальником ~~комендантской~~ станции, или помощником коменданта. Он как железнодорожник был из армии отзван и служил в железнодорожных войсках. Так вот, ему сначала дали 4 года, потом 10, мне сначала 6,

дный клан давит свое, и на этом деле они все свихнулись. Даже такие люди, как Басов, Велихов, я сейчас узнал, что они и Сахарова травили в свое время, неужели у них не хватило ни совести, ни ума, чтобы понять, что это такое?.. А в исторической науке это было еще чудовищнее, туда шли отставные КГБшники, несостоявшиеся герои гражданской войны, которым некуда было деться, они ничего не могли сделать. Они шли в науку историческую, там начинали писать. Почитайте названия их работ - Меньшиков мне цитировал - историческая наука превратилась в какую-то свалку какого-то идиотизма. И те, которые пытались как-то продвинуть ее, они сметались буквально с помощью каких-то базарно-кухонных приемов, если не удавалось - то с помощью КГБ, парткомов, профкомов и т.д. Я считаю, что историческая наука пострадала больше всех. Генетики тоже в страшном загоне, кибернетики, но историки, наверное, в еще худшем, там хоть можно что-то измерить. А тут что можно замерить? При том отношении к архивам, которое царит у нас в стране и будет, наверное еще долго царить. Сейчас сколько выступают по поводу архивов, очень резко, но все остается на своих местах.

- Правильно ли я вас поняла, что, в отличии от правозащитников, вы все же были борцами, вставали на путь политической борьбы?

- Мы не были такими огульными отрицателями, как наши последователи, я считаю их прямыми последователями. Ну, я тут сыграл, может, не такую большую роль, как мои товарищи, но мы проложили им дорогу. Именно научное понимание марксизма, ленинизма проложили мои товарищи. Мы не отрицали все огульно.

потом полтора года, причем во второй раз - за изготовление оружия, но судья сказал моей жене, что мы ему дали за язык, и еще дадим.

- А как ваш отец оценивал все свои сидения, что-нибудь он говорил?

- Отец в этом отношении был очень похож на наших последователей-правозащитников, он напрочь отрицал всю систему, он ее очень не любил, но он лишен был возможности, и лишен интереса разбираться в теоретических несовершенствах. Он, правда, инженер по образованию, но его это... Может, не понимал этого, и сейчас многие не понимают, так что разобраться в теоретических вопросах очень важно и очень нужно. Ну, отец в моей жизни сыграл роль... Не он направлял меня, я сам вышел на эту дорогу. И, кстати, встреча с Меньшиковым, с моим подельником, через два или три года после расставания с ним, когда мы пришли к одним и тем же взглядам, служила мне подтверждением того, что мы правы, раз два разных человека разными путями приходят к одному, а потом мы увидели еще десятки людей. К сожалению, у меня все-таки не хватало и образования, и, самое главное, меня отчуждало от этого давления, которое я испытывал. Ведь там никто не стремился, чтобы студенты разобрались в марксизме, нужно было, чтобы как попугай заучивал, и не дай Бог, чтобы не сомневался в чем-то. А я не мог не сомневаться, когда видел какие-то нестыковки, я естественно пытался... Я еще со школы стал вопросы задавать, меня просто по мозгам били: как ты смеешь сомневаться! Так дословно сказал один из заседателей на суде:

а какое вы имели право сомневаться? ^{?/6 Святое} Если говорят?!

Если диктует партия? государство?.. Вот как раз
умение сомневаться - это как раз одно из главных
наших достоинств..

М.С.ГОЛЬДМАН

Запись 12.08.90г.

- ... Как сказал Маркс, ~~Всегда~~ во всем сомневайся. И, когда я стал позже этот девиз вспоминать, я понял, что он справедлив на всех уровнях и везде. Ну, что еще сказать о тех временах?.. О суде я не буду вспоминать. В нашей группе у меня была такая роль, поскольку я был теоретически мало подкован, но я сразу понял, что эти люди, в общем-то, идеалисты - в жизни, в быту, слишком они отстранены от реальной жизни. И я взял роль: приземлять их, когда нужно. В таких простых делах, как, скажем, конспирация. Я их теоретические вопросы пытался по-
шагод для один естественность полка и здравый смысл.
ставить на реальную почву, соединить со здравым смыслом. И иногда мне это удавалось достичнуть, хотя и не всегда. Я считаю, что мои товарищи действительно герои, потому что они сумели давление, это ярмо отбросить, по-моему, первые молодые из ученых такого профессионального уровня. Потому что другие ученые, если и сумели отбросить, то никаких реальных шагов, что называется, -кукиш в кармане. И эти поняли, что если ты пришел к этому, то надо других попробовать вовлечь, дать им возможность сбросить ярмо, и какие-то организационные структуры создать. Во-вторых, я искренне считаю, что они наиболее решающие деятели тех лет, которые заложили основу последующих наших преемников, и даже нынешних, тех, кто действует сейчас. Тот же Афанасьев, допустим, он стоит ногами на трупах. Вот Рендель - он уже умер сейчас, значит, его труп лежит в основе того, что представляет сейчас наше демократическое движение. Что бы там ни было, какие бы упреки не бросали, они во многом были неправы, к сожалению. Я уже говорил вчера, что мы слишком раскололись в лагере, то есть, вместо того, чтобы консолидироваться... Кто был родоначальник этого раскола - мне трудно судить, но, в общем, мы приняли в этом большое

участие, и в этом, я считаю, наша главная ошибка. Второе - это уже не моя ошибка, а их, я их призывал тогда, они на каком-то этапе остановились в своих теоретических работах, вернее, снизили активность. Это их большая вина. Я пытался недавно попробовать, чтобы они начали писать о той эпохе, эпохе Хрущева, когда в литературе стало появляться много писаний об этом. Тот же Аджубей выступил, сын Хрущева - эти понятно, с какой целью, но были и более объективные люди, но тем не менее, они были не способны понять ту эпоху, потому что они были где-то в стороне, они изучали по газетам, по книгам. А эти были в гуще событий, кроме того, они - профессиональные историки. Представляет сочетание: быть профессиональным историком, обладать колоссальной информацией, методическим умением анализировать, и быть в гуще событий, встречаться с тысячами людей! И тем не менее, они свой потенциал не реализовали, в отличии, от того же Солженицына, который, видите, как сумел в те годы реализовать то, что ему судьбой было дано. Это же было дано и Краснопевцеву, и Меньшикову, и Ренделю. Однако ни один из них не сумел извлечь столько, сколько сумел извлечь Солженицын.

- Я не очень поняла, что именно вы сказали про Афанасьева.

Это - директор Историко-архивного института?

- Да, он, по-моему, даже однокашник Краснопевцева, они знакомы, обмениваются информацией какой-то, и наверняка дело Краснопевцева сыграло значительную роль в становлении историков - оппонентов марксизма, которые сейчас появились. Я не знаю, ^{ко} Чипко мне очень понравился, мне понравилась его логика. Я лишен возможности с ним согласиться или не согласиться, но он мне просто нравится. Он доказывал, что Сталин не ото-

шел ни от ленинизма, ни от марксизма, потому что это гнилая теория - дескать, они искривили марксизм, мы выпрямим, и все встанет на свои места. Не знаю, в какой степени повлияло на Чипко дело, раз он профессиональный историк... Я уверен, что Афанасьев прямой потомок ~~отрицаний~~ ^{в своем} того, что мы построили социализм. К сожалению, мы не можем сейчас забрать архивы КГБ. Работа Краснопевцева "Основные моменты развития русского революционного движения" - очень сильная работа, хотя он не скрывал, что некоторые утверждения не совсем оправданы какими-то фактами, тем не менее, он заострял его, доводил до абсурда, чтобы он стал предметом дискуссии, диалога какого-то. В те годы это было нужно. Хотя и сегодня этот прием применяется, я знаю очень многих публицистов, которые, зная, что они не совсем заведомо правы, тем не менее бросают... Надо это болото разбудить, встряхнуть его как-то...

- А наставники у вас были? Вообще у вашей группы?
- Когда я прочел работу Краснопевцева, я не знал, что он автор, я узнал об этом только на суде, на следствии, я создал себе образ человека, который просидел в лагерях 20 лет, умудренный жизненным опытом, теоретически очень информированный, и вот он создал эту работу. Когда я узнал, что это Краснопевцев, я был потрясен. Самый подкованный наш историк, это, конечно, Покровский. *Он сейчас газет-корреспондент.*
- Но вы же с ним познакомились в лагере?
- На суде. Нет, с Покровским тогда я не был знаком.
- А когда вы были еще на воле, у вас были какие-то наставники?
- Их наставников я не знаю, у меня наставников не было,

таких, чтобы я мог сказать: вот, человек меня направил. Вот, кстати, в лагере я очень высоко ставил Краснопевцева, как человека организационно очень умелого, и теоретически владеющего всеми этими методами. В частности, хочу сослаться, что Покровский, в свое время, когда прочел его работу, его на суде спросили: что вы почувствовали? Он очень искренний человек, может, он хотел как-то смягчить, он сказал: я почувствовал зависть. Даже такой теоретически очень...

- Он был старше?

- Нет, он ровесник Краснопевцева. Он был очень сильный человек, к сожалению, не по тому направлению пошло наше развитие он себя не реализовал, нет. Может быть, он сейчас еще успеет себя реализовать, но я, честно говоря, сомневаюсь. Недавно я пытался подвигнуть их на то, чтобы они писали об эпохе Хрущева, и скажу так: даже я не могу все удержать, я вижу, что они чушь порят, одни начинают его ругать не за то, другие начинают его хвалить. Хвалить его есть за что, а ругать его надо за то, *б. т.к.* он действительно виновен, а не за какие-то выдуманные его грехи. И отстаивать, обелять *б.э. эпоху* ^{и не} нет нужды. Он тоже преступник, уголовный преступник, погубил огромное количество интеллигентов России, он разрушил тысячи церквей, достояние культурное России, и вообще это был совершенно дикий человек. Я вообще убежден, что он проложил *Уступая* дорогу брежневщине, именно он. Хотя он сказал тогда: то, что вы меня свергаете бескровно - это уже мое достижение. Но достижение достижением, а кому ты уступаешь место? Структура должна быть такова, чтобы каждый последующий был лучше предыдущего, а кому ты уступил место? Беспринципным идиотам, турицам, нравственным уродам, в нем хоть что-то было человеческим.

ческое, он способен был как-то даже и быть виноватым...

- А вы каких-то конкретных руководителей партии, правительства критиковали?

- Мы в своей листовке, за которую, собственно, нас формально... Меня лично только за листовку посадили, - там мы критиковали Хрущева. Но, чтобы никто не подумал, что мы заступаемся за Маленкова, Молотова и Кагановича, мы писали, что их нечего жалеть, что они пали жертвами ими созданной системы, что они достойны своего конца... В общем, мы и их поругали. Но мы предостерегали, что Хрущев развалит... Во-первых, приостановит демократизацию - мы уже почувствовали в этот момент, - и что он развалит советскую систему. Хотя были такие теоретики, которые говорили - чем хуже, тем лучше. К сожалению, много таких было среди правозащитников, они даже радовались очередному... Они считали, что иначе не покончат с этим монстром - КПСС. Довести до абсурда, но они забывали, что при этом страдает колossalно психика людей. А ведь каждое такое годичное отступление приходится исправлять пятью-десятью годами. Кстати, мне сегодня прибалты сказали, почему они опережают нас: потому что у них было вырублено только одно поколение, а у нас было вырублено три. Вполне естественно, что они восстановились быстрее. Так что Хрущев свой вклад в истребление лучших умов внес. Даже самое главное не исстребление лучших умов, он их физически не уничтожал. Он создал, восстановил, вернее, давление партаппарата, государства *и науки* *умы* людей. Восстановил в полной мере. Не теми методами, что Сталин, но почти теми же. Он выпустил сотни тысяч, может, миллионы зеков, невиновных совершенно, люди ведь практически

не боролись в то время, можно по пальцам пересчитать, кто боролся, - и стал сажать тех, кто боролся, кто был его союзником по демократизации общества, а он стал их сажать. Этим самым он изуродовал снова, искалечил...

- А венгерские события как-то играли роль?

- Конечно. Все мы были принципиальными противниками ввода войск, и мы даже планировали 5 октября, в годовщину событий в 1957 году, - мы хотели очередные листовки разбросить. В деле об этом есть, что мы планировали это дело. Конечно, мы видели, что Россия снова становится жандармом Европы, она, собственно, всегда им была, начиная с 1945 года, но тут она начинает применять совершенно варварский, беззастенчивый метод.

- А как вы относились к реабилитированным?

- Я был знаком с многими из них. Краснопевцев, когда писал свою работу "Восстание по-московски", он обошел почти всех, кто входил в московскую партийную организацию тех лет. Они вышли из лагерей, просидели...

- Это Рютинская компания?

- Нет, Рютинская компания была расстреляна. Нет, он писал по московскому восстанию 1905 года, и вот те, кто тогда был большевики, они почти все были плтом репрессированы, и те, кто уцелел... У него был список, он знал, что процентов 80 погибло в лагерях и расстреляно. А тех, кто выжил, он обошел. И с удивлением и ужасом увидел, что они ничему не научились. Опять партия для них превыше всего, однопартийная система - превыше всего, и единственное спасение, единственная надежда.

Я знал таких людей.

в это время, и читал о них, знал, что они благодарны Хрущеву за то, что он сыграл такую роль в судьбе миллионов и в их личной судьбе, но тем не менее смешно, что им не видно того, что видно даже невооруженным, моим дилетантским неискусенным взглядом. Какие же это политики, если они не видят очевидного: куда он ведет и зачем. Они боготворили его. Задешево, за кусок колбасы... Также Серебрякова — писательница... Я понял и немножко оправдал ее в лизоблюдстве тех лет, когда я прочел ее воспоминания, недавно опубликованные. Я понял, в какой совершенно жуткой она сидела там... Но тем не менее лизоблюдства Хрущева я не оправдываю, ну как это так?

- Может, это наследие монархического сознания?

- Ну, говорят, что мы в России наследники этой многовековой тирании. Да, конечно, мы на стыке Европы и Азии, мы никогда не станем азиатами, но и мы пока не стали европейцами. Нам приходится подавлять в себе азиатчину. Я считаю, что азиатские методы сыграли для России трагическую роль. Мы много боролись, чтобы эту азиатчину в себе истребить, но мы не смогли преодолеть это. Большевизм, я считаю, - это чистая азиатчина.

- А вы обсуждали именно это — психологию людей, сознание, наследие?

- Чего мы только не обсуждали, разве все вспомнишь! Когда я вам говорю все это, я отталкиваюсь только от того, что у меня сохранилось. В память запали отдельные моменты, какие-то сцены, где и кто и что сказал, были всякие чаепития с колле-

гами из других групп...

- С кем вы тогда контактировали?

- Мы со всеми ~~специ~~ контактировали, и потом со многими контактировали. Конечно, наша... Я со всеми почти контактировал, ~~почти~~ я с кем нессорился. Были ленинградские группы молодежные, была группа, которая называла себя социал-демократы, небольшая группа...

- А с Револьтом Пименовым были знакомы?

- Нет, я его не видел никогда. Его в лагере при нас не было, его сразу куда-то на спец отправили. Я очень хорошо знаком с его подельником Даниловым. Я знал, что он выдающийся математик, что он даже получил приглашение - под замком находясь - получил приглашение с какой-то конференции, но, к сожалению, мы с ним не встречались.

- А с кем были знакомы из людей, которым удалось достичь такого уровня, были такие группы?

- Да, были такие люди, как Молостков, Сергей Пирогов...

- Вы с ними были знакомы еще на воле?

- Нет, на воле я ни с кем не был знаком.

- То есть, вы думали, что вы одни?

- Нет, мы прекрасно понимали, что мы не одни. В частности, я еще на следствии видел, что рукописи какие-то огромные читают, я понимал, что мысль работает где-то в подполье, что их давят всячески, и иронизировал, когда коллега моего следователя читал какую-то рукопись. Я говорил: что, пишут, гады? Да, - говорит, - пишут. А там какой-то номер жуткий стоял, шесть тысяч какой-то, я говорю: неужели столько уже написали? Нет-нет, - говорит, - это ни о чём не говорит. Я прекрасно

в России

знал, что мысль ~~не убьешь~~, но весь вопрос в том, когда она проснется и проявится в каких-то организационных структурах.

- Значит, на волне вы еще не были во взаимодействиях с какими-то вашими соратниками?

- Я не был, но наша группа взаимодействовала с поляками, с какими-то другими структурами, кружки у них были какие-то. Я не успел влиться в это дело, нас быстро прибрали к рукам. Их основные шаги были в мае, а я в мае получил 15 суток за драку с милицией и был в Бутырской тюрьме. Это было в Москве, я ехал со стадиона, был немножко под хмельком, и они, конечно, вели себя варварски, как всегда, ну, и началась драка. Мы с приятелем стали их лупить, потом нам дали по 15 суток. Я был в Бутырке, а они в это время решали свои организационные вопросы. А когда они уже решили, я потом как-то не влился. После июньского пленума, когда они листовки делали, я как раз к ним и влился. А потом стали проектировать дальнейшие шаги, я немножко узнал, что у них были кружки, что они обшались... Но в большей степени узнал все на следствии и на суде и потом в лагере. Я был арестован 5 сентября, после фестиваля. Но мы договаривались, что во время фестиваля никаких акций не проводить, тогда у нас еще были иллюзии, что это наше домашнее частное дело, что мы разберемся сами с этой системой, мы считали некорректным привлекать всяких зарубежных капиталистов, которые строят какие-то козни. К сожалению, эти иллюзии мы не сумели даже в лагере ~~выстроить~~

из себя только недавно я понял, что мировое общество неразрывно, вернее, должно быть неразрывно, и кто-то пытается разорвать его чисто фашистскими методами. Германия фашистская, мы, Ки-

тай, Испания - фашисты, которые разрывают единое мировое общество, это совершенно противоестественно. Разрывают на классы, на регионы... Единственное спасение человечества - в одном центре - в Космополисе? это когда все будет развиваться. Если хотите, пока еще ситуация не сложилась, но мы идем к этому. Смотрите, что с Ираком творится, как мир реагирует на это дело. Я, например, считаю, что туда надо было войска вводить сходу, не надо было ни о чем думать, если советские и американские войска вместе войдут туда, это будет превосходно. Мы сразу продвинемся вперед к разоружению. Если на этом пробном камне человечество не сломается, дальше мы пойдем семимильными шагами.

- Боюсь, что все гораздо сложнее...

- Может быть, конечно, информация печатается у нас такая дозированная, а Запад я слушаю, пытаюсь, так там тоже жулики, они свою копну молотят. К сожалению, политика к благородству не располагает, и считанные единицы политиков, которые нельзя не все же благородными приемами сохранить свою власть, удерживаются от них при И особенно ленинизм, большевизм это воспринял.

- А с кем вы были все-таки более близки чисто человечески?

- Я очень уважал и ценил Краснопевцева. Но потом наступил момент прозрения, когда я понял, что мои иллюзии и тут меня подвели. А так мои школьные товарищи с Менниковым, хотя мы очень часто спорили, много спорили. Я к Ренделю очень хорошо относился, прекрасно зная его недостатки, тем не менее я очень ценил его искренность, это был самый искренний человек, он совершенно не был способен к интригам, ко лжи, очень правдивый. Несмотря на то, что он был самый слабый из нас

физически, больной, он самый сильный духом. Дух у него был несгибаемый. Он был очень болен, туберкулезник, при росте 1м 85 см он весил 56 кг, поэтому после голодовки 24-дневной мы его даже взвешивать не стали, боялись его взвешивать. Я из спортивного союза, вот взвеси-лся, по-моему, потерял 17 кг за 24 дня, а я боимся его боялись взвешивать. Почему мы прекратили эту страшную голодовку - я был противником прекращения голодовки, я чувствовал, что мы их можем сломать на этом, к нам ехал какой-то властный человек, стали вешать занавески в Шизо. Но дело в том, что из наших шести участников первым умереть должен был, конечно, Рендель.

- Только шестеро участвовали? А кто не участвовал?
- Не участвовали Чешков, Обушенков и Козовой. А во второй голодовке участвовало четверо. Так вот, первым должен был умереть Рендель. Ну и каково нам было настаивать на продолжении голодовки, зная, что умрет кто-то другой? Когда мы начали обсуждать прекращение голодовки, я хотел... Во мне говорил спортсмен, оставалось шесть дней до тридцати, до месяца, но вдруг он за эти шесть дней умрет уже? Поэтому мы сняли голодовку на 24-й день. Приехала жена Краснопевцева, привезла записку, передала нам через лагерных работников, там было написано, что ребята, мол, вы свое дело сделали, мне обещана встреча с Хрущевым. До сих пор для меня загадка, кто кого обманул - там кто-то кого-то, ее обманули, или она нас обманула? Встречи-то не было, это обман. Мы надеялись, что встреча с Хрущевым будет.

- Вы требовали встречи с Хрущевым?
- Нет, не мы требовали, а она. И она написала, что если мы

прекратим голодовку, ей обещана встреча с Хрущевым, и все. Мы добивались решения нашего дела. Мы голодали, когда отказались от показаний и потребовали нового следствия, и нового суда. Нам отказали. Мы тут же объявили, что отказываемся от работы. За это положен Шизо, а когда нас поместили в Шизо, мы тут же объявили голодовку, и продолжали держать ее в течение 24 дней, пока Люба Краснопевцева не привезла эту записку. Ну, мы подумали, и прекратили голодовку.

- А все отказались от показаний и требовали пересмотра?

- Мы шестеро. А те были в тот момент, - да и сразу мы разошлись, они отдельно писали. Отдельно писал Обушенков, я знаю, ему предложили просьбу о помиловании написать, его помиловали в пику нам, голодавшим. Но он отказался писать просьбу о помиловании и написал заявление с требованием отменить приговор и пересмотреть его дело. Ему, конечно, тут же отказали в пересмотре. После первой голодовки мы решили как-то сотрудничать с администрацией в каких-то чисто человеческих... ну, посмотреть, что и как. С нас сняли все взыскания, мы думали, что нас готовят к освобождению, кстати, об этом было объявлено в Москве. Преподавателям общественных наук сказали, что эту группу мы выпустим. Генерал КГБ на встрече с преподавателями общественных наук сказал, не помню его фамилии. Дело в том, что тогда же его слова были переданы Ирине Сороковано~~ной~~, она сейчас профессор МГУ, она была в свое время по нашему делу изгнана из комсомола, из партии, из аспирантуры, из МГУ полностью. И, когда ей сообщили о словах этого генерала, она поспешила подать свою апелляцию ~~нартактуну~~. Ее долго мурлыкли, и дошло дело до Шверника. Вот противоре-

чия этих людей: все они преступники, самые настоящие, жуткие преступники, убийцы, в том числе и Шверник. Но вот вам дело Сороковановой - когда дело дошло до него, он рассматривал заседание этой центральной комиссии, доложили ее дело. Говорит: за что же ее выгнали из партии? - Она ходила на эти сходки. А на суде было заявлено четко всеми, что она отстаивала позицию ортодоксальную, ее поэтому и пригласили, она была убежденный ортодокс, но, в отличии от этих начетчиков, она говорила и действовала как живой человек. То есть, она искала какие-то доводы. И, поскольку мы искали истину, там на суде пытались изобразить, что мы хотели сбить ее с толку, а на самом деле мы хотели, чтобы она нас с толку сбила, приглашали ее как оппонента, наиболее квалифицированного и наиболее объективного. Шверник говорит: за что же ее выгнали? Она участвовала и отстаивала... Говорят: она не донесла. - А зачем ей надо было доносить? Если бы они хотели взорвать Кремль, тогда надо было как-то, и то доносить нехорошо, а тут она вообще ни в чем не виновата. Восстановили с сохранением стажа, эти четыре года вне партии включили в ее стаж.

- Ну, так вторая голодовка?

- Да, так мы вошли в советы, стали действовать, а потом поняли, что с администрацией невозможно иметь дело, это лгуны. Они тут же восстановили нам все выговоры, сказали, что одним приказом можно снять только один выговор, а не все сразу. Невозможно с ними говорить, это жулики, так же, как сейчас мы это видим, все руководящие партапаратчики пронизаны жульничеством, лицемерием, ложью насквозь. И мы решили покончить с этой нашей связью путем голодовки. Причем хотели смертель-

ную голодовку, буквально сказали: не кончаем.

- Сухую?

- Нет, не сухую. Но получилось очень неудачно для нас. Для меня лично неудача - я вывихнул ногу, и с такой опухшой ногой вывернутой я должен был начать голодовку. Нас в БУР не посадили, и мы голодали в зоне. Утром вылезали, на какой-то погреб ложились, и весь день там лежали, а вечером уходили в секцию и там ложились спать. М вдруг через пару дней пришел Указ Верховного Совета об усилении борьбы с нарушениями дисциплины в лагерях. Мы понимали прекрасно, что это не против политзаключенных, у нас всегда был порядок, никаких побоев, ничего, все было нормально. Даже те эксцессы, которые были, они были на основе темперамента, такие легкие издевательства, которые, конечно, не сравнишь с брежневскими и сталинскими издевательствами над людьми. Брежневские издевательства - это ^{были их} зародыш, люди протестовали, но протестовали в такой форме, что давали козырь тем, кто против них. И это не против нас было направлено, но тем не менее получалось так, что наша голодовка - ее могут расценить, как протест против этого указа...

(Конец стороны кассеты)

- ...мы поняли, что нас не выпустят... *Был еще момент...*
- А кто двое в этот раз уже не голодал?
- Покровский и Семененко. Ну, они в общем-то вполне справедливо считали, что это вполне ненужная затея, ничего она не решит. Тогда, может быть, я в глубине души был недоволен их поступком, сейчас я нисколько их за это не упрекаю. Если, допустим, я поднимаю 2-пудовую гирю, а от меня требуют поднять

4-пудовую, подними - и все, так ведь это бесполезно. Так и там, ведь это огромные усилия нужны. Тогда немножко осуждал. Другие больше осуждали, я - меньше, но тем не менее осуждал. Зря. Опять же - большевизм.

- Объяснений не было?

- С ними? Нет, мы просто прекратили общение, и все.

- На всю жизнь?

- Да. Потом мы просто разъехались в другие лагеря, и я их больше не стречал. О Семененко я вообще ничего не знаю, а Коле Покровскому я написал открытку в Новосибирск, но, может быть, адрес был не тот, может, не дошла, а может, он не захотел ответить, не знаю. Он мягкий человек, скажем, не слишком целеустремленный, хотя как ученый - он, конечно...

- Он эмигрировал?

- Нет, он в Новосибирске, в Академии наук. Ему очень помог академик Тихомиров, известный историк.

- А сейчас могли бы восстановить контакт?

- Конечно. Я восстановил контакт с Обушенковым, с Чешковым. Кстати, я в свое время очень поссорился с Краснопевцевым, а потом восстановил отношения, потому что, нисколько не изменив отношения к нему, я тем не менее понял, что такие вещи надо... даже вредно...

- А на чем был основан конфликт с Краснопевцевым?

- Прежде всего на его материализме, скажем так. Это у него, можно сказать, конечно, проглядывало всегда. Хотя он бросил свою жизнь под колесо... Кстати, он из всех нас пострадал больше всего, потому что это был очень талантливый человек во всех смыслах, административных, он мог сделать и научную карьеру, и организационную, а в

так, не знаю?

общем, он не сделал ничего. Мне трудно судить, почему ~~Вот~~ таким ~~же~~ очень примитивным методом Краснопевцева наш партаппарат вывел из игры, самого перспективного из нас он вывел. Что они сделали - я не знаю, как они сумели. Почему он влез в эту берлогу - Станкозавод имени Орджоникидзе, почему он там застрял на многие годы? Может быть, у него не хватает внутренних сил каких-то.

- А чем сейчас занимается Краснопевцев?

- Он на пенсии. (Пауза в записи) ... В общем-то, конечно, сомневаюсь, потому что я понимал, что не реализовал свои способности, но тем не менее я выбрал одну дорогу, с которой я не сворачиваю. Я всегда говорил всем, что я думаю. Это было и в нашей группе, и потом на работе. Я 18 лет работаю в объединении, я всегда говорил всем про коммунистов и про все эти вопросы. Сначала все улыбались, иронизировали, я помню, как начинаешь говорить, а у людей скука появляется в глазах. Конечно, если человек другого уровня, другой структуры, но тем не менее, такие воспоминания иногда скучноваты.

- А на каких зонах вы были?

- Приехал я сначала на 18-ю, это пересылка Потьминская. Там мы прожили несколько недель, потом на 11-ю я уехал, потом нас увезли в 7-1, там мы голодовку проводили, оттуда нас увезли (транзиту) на 3-й, там мы вторую голодовку проводили, потом увезли на 17-й, это лесная зона в глубине. Оттуда меня увезли на 7-ю. Я освободился с 7-й через 18-ю, через пересылку. За

* Я всегда вспоминаю "Межзвездного скитающегося" Джека Донаджи, погибшего в граунде Сен-Лор. Был прекрасный рок-гитарист, очень симпатичный, убили всех, кто должен был убить его - одного, второго, третьего. Я самого его убил какого-то деревенского мужика, приставившего занавеску се

шесть лет семь лагерей. Собственно, на 18-й меня только привезли - и освободили.

- Есть ли у вас сейчас какие-то отношения с Молостовым?

- Сейчас я с ним встретился, поскольку я в Липецке был, в Народном фронте, в комиссии по правам человека, сейчас я буду в Демократической партии России заниматься правами человека, я нахожусь с ним в контакте. Очень хорошо, это нам нужно, я буду ему писать. Он мне дал очень простой адрес: Москва, Верховный Совет РСФСР, комиссия по правам человека.

- Он в комиссии вместе с Ковалевым Сергеем Адамовичем?

- Это один из правозащитников? Я смутно вспоминаю... Я буду поддерживать с ними отношения...

- А у вас с ним был какой-то конфликт? в Лагере?

- *С Молостовым?*
Лично у меня ~~я~~ не считаю, что у меня был с ним конфликт. Был такой конфликт: вначале я когда-то стал ругать Хрущева, очень сильно и очень грубо, ^в в одной из наших застольных бесед. Он сказал: *В* таком тоне я не буду с тобой разговаривать о нем. Я решил, что в какой-то степени он этим осуждает наш выпад против Хрущева. Но это не было каким-то разногласием, конфликтом, мы продолжали общаться, потом потихонечку стали холодеть, но никаких... У них своя компания, они стали на нас смотреть как на каких-то преступников, стукачей, не знаю. ^{Ко 11-ому} У нас ведь была ~~Молостова~~ еще не было ~~тогда~~ драка. Там одна компания стала распускать о нас слухи, что мы стукачи и так далее. Мы попытались ^{Есть какие-нибудь факты? Обава что то.} у них выяснить; они сказали; ^и нам не о чем с вами беседовать. Ну, в лагерных понятиях это недопустимо. Если я обвиняю, я должен доказать, подтвердить,

вынести на обсуждение. Ведь какой-то упертый лагерник к тебе подойдет: ах ты стунаи, пику тебе вколет, правда, тогда были другие времена, но потом при Брежневе восстановились эти кравы и обычай. Может, мы были не совсем правы, но мы пришли беседовать, они отказались, мы начали драться - Краснопевцев и я. Потом мы попали в ШИЗО, сначала они, потом мы. Сейчас я понимаю, что это был совершенно ненужный прием, ничего там особенно страшного не было, можно было решить другим способом этот вопрос... Но Молостцов с этой компанией потом... Мы вместе потом встречали какие-то праздники, даже 7 ноября как-то отмечали, за одним столом в каптерке. Но не всей этой компанией, а частью, помню, вот Молостзов был. Как-то начали охладевать, охладевать, а потом была история, когда Молостзов, я считаю, совершенно неправильно и безнравственно выступил, он сказал, что Меньшиков дал какие-то обещания студентам, и на нас тоже, чтобы его перевели в 7-І с 7-го. Но он когда пришел, он тут же в первый день им все рассказал, Меньшиков(?), Молостзову и той компании. Мой земляк тоже был в той компании, сейчас он на Западе. И вот когда Меньшиков от них отошел, а мы после голодовки стали одной компанией держаться, после первой голодовки. И вдруг они выступили вечером - ну, когда мы вошли во все эти советы, встали на просоветскую позицию... Вообще просоветскую позицию мы все время занимали: мы праздновали все праздники, но мы праздновали одновременно и День независимости США, и День взятия Бастилии. Но День Парижской коммуны не праздновали, хотя были попытки. Я сказал, что при всем уважении к страдальцам, я этот день отмечать не хочу. По-моему, я даже отмечал раз но через силу.

И вот однажды вечером, уже после отбоя, всей секции рассказал... Но я воспринял это просто как желание натравить людей - вот, стукачи, давай лупить. Ну, лупить в те времена не было принято в тех лагерях. Но поскольку я был самый сильный из нашей команды, из этих шести человек, а остальные все вообще беспомощные - Рендель вообще, Покровский рыхлый, Семененко тоже не годится, Краснопевцев ^и я могли, но я сильней всех был, конечно, на порядок, и я чувствую, что здесь сейчас что-то произойдет, я должен здесь играть первую скрипку.

Естественно, когда он кончил, я пытался сказать. Он сказал: нам не о чём с вами беседовать. А я хотел рассказать элементарную мысль: если это вам не нравится, то почему вы говорите об этом сейчас, а не тогда? Вы же не знали, будет он на нас доносить или не будет. Надо было и нам сказать. Мы, кстати, когда разоблачали таких стукачей, мы сразу говорили им. Но они какую-то странную позицию занимали. Если вы не верите, что это стукач, надо сказать: ребята, мы не верим, а то ни слова против, тем не менее демонстративное единение с человеком, подозреваемым в стукачестве. У нас были неоспоримые доказательства. Я считаю это все непоследовательным очень.

- А вы сейчас говорите о Меньшикове?

- Нет. Про Меньшикова я не имею фактов. Ну, когда мы спросили Володьку, правда ли это, он признался. Ну почему же ты тогда не сказал, не предупредил нас, чтобы они не имели этого оружия против нас?

- Они ему предлагали это?

- Ему предложили, он сказал: да, я буду. Но, как он сказал, ни слова не говорил. Но когда обвинил его Молостцов и отказался

выслушать мои возражения... Причем я хотел сказать только это, Левка еще что-то хотел сказать, они погасили свет. Конечно, там не было никого, кто мог бы броситься. Я и сейчас достаточно силен, а тогда на порядок был сильнее любого.

У нас там был боксер один перворазрядник, я очень легко с ним справился, хотя он был прекрасный человек, простодушный...
Tome Rudein

Вл всяком случае, я очень силен был, тренировался, футбол, баскетбол, штанга, гиря, эспандеры у меня всякие были... Там был Петухов ~~такой, который покивал когда~~ ^{Ира} такой парень анархического склада, он мог броситься. Еще там был Сергей Пирогов, но его в тот момент, по-моему, не было, у нас с ним счеты старые были, он однажды заехал мне в глаз ни за что ни про что, нет, очень даже за что. Был такой Уманский, совершенно примитивная околоинтеллигентная личность, который, например, подходит к нам до собрания - мы не ходили на собрания, а потом решилиходить, - подходит к нам и говорит: ¹хайль Гитлер. Мы смотрим на него - ну что с дурака взять! Он говорит: что же вы не отвечаете? Я говорю: на такое приветствие я тебе только в глаз могу дать в ответ, ^{*}хочешь? Тогда он один раз встречает, мы идем через вахту бригадой, ^{и один из первых стал} открывается дверь на вахту, а там стоит другая бригада, мы должны туда войти, а она потом уходит. На пороге стоит Уманский, и опять - хайль Гитлер.

Ну, я бить его не стал, просто отстранил. И вдруг мне страшный удар откуда-то сбоку по очкам, по глазу, я ничего не понимаю, но пока я очухался, мне Володька Меньшиков, он со мной в бригаде был, вытолкнул меня туда. Я говорю: кто меня ударил? - Пирогов. Ну, потом я его хотел отлупить, там совершенно несопоставимо было: он гордился, что он самбист, ну, смешно даже говорить, я, конечно, не стал его лупить,

*... Ну, что говорить? - конечно, я не вошел.

хотя это дурацкое... Это детское было, мы были еще молоды, 26...

- Вы говорите сейчас с позиции вашего возраста, опыта, но все же можете ли вы сказать: ваши взгляды претерпели кардинальное изменение или нет? Относительно политики, системы, человеческих отношений?

- Человеческих отношений - да, я стал терпимее намного, нашу нетерпимость тех лет я осуждаю, и считаю, что в наше время это главная опасность, поэтому я Демократический союз... Я понимаю, что они люди мужественные, и во многом они правы, но я считаю, что тактически они совершенно неправы. Своей резкостью, несдержанностью они отпугивают тех, кто мог бы быть нашим союзником. Относительно политических ~~их~~ взглядов - да, изменения претерпели, просто дальнейшее развитие пошло, я понял, что частная собственность может быть на любом уровне, насчет многопартийной системы я всегда... Насчет многопартийной системы я заколебался, когда партия объявила перестройку, у меня появилась иллюзия, что здоровые силы партии возьмут верх и смогут вести перестройку при однопартийной системе, но это буквально было каких-то несколько месяцев. Потом я понял, что все это чушь, абсурд, что как раз здоровые силы партии находятся под гнетом реакционеров. Я окончательно понял... Понимаете, я уже говорил, чтобы взгляды сформировались, нужна атмосфера соответствующая и время. Она у меня была, и атмосфера, и время. Я прихожу в выводу - что марксизм - это порочная, глубоко порочная... Вот сейчас Травкин - я не считаю Травкина специалистом по марксизму, но у него

~~вокристиан~~

девиз - это здравый смысл. И действительно, марксизм - это одно из течений экономической мысли, политической мысли, мировоззренческой мысли, это одно из течений, там есть что-то рациональное, но когда его выделяют как единственное... Даже в физике, где все можно замерить, там нет единого течения, единой школы, единого представления о процессах.

- А что касается психологии советского человека - вы не пришли к каким-то выводам?

- Это ужасная психология. Вы знаете такого югославского писателя Михайлова? Он автор термина "Гомо советикус". Он был у нас полгода в Советском Союзе, уехал и опубликовал серию статей в югославских журналах...

- По-моему, автор этого термина - Каменев, историк, который живет в Париже, по-моему...

- Не знаю, я лично из передач "Голоса Америки" и "Свободы" слышал, что этот термин предложил Михайлов, причем он настолько глубоко разобрался в психологии, он первый предсказал большую популярность наших уголовных песен, песен типа Высоцкого, там, на Западе, он дал просто блестящую характеристику гомо советикус: это новая общность человеческая, советский человек. И можно предсказать - если гомо советикус, значит у него будет именно такая реакция. Не так давно мы спорили в Липецке с партаппаратчиками, я сказал, что для меня партаппаратчик - это не должность, а мировоззрение, в котором первое и главное - это примат партии над обществом, второе - это примат аппарата над партией, и третье - безусловное подчинение и низкопоклонство, послушание нижестоящего вышестоящему. Вот эти три принципа - свойства партаппаратчика. Если он так

говорит, дальше мне можно о нем ничего не спрашивать, все автоматически, как машина, которую запрограммировали, она же будет выполнять эту программу - так и этим людям. Такие партаппаратчики не только в Советском Союзе, в Китае еще, в Албании, на Кубе...

- А вы член Демократической партии?

- Да, я один из организаторов ее в Липецке, я колебался, куда мне податься. Сначала я хотел сказать, что подожду...

- Вы считаете, что нужно быть партийным человеком?

- Нет, я как раз говорил товарищам, что я буду вам помогать еще больше, чем... в частности, у меня сейчас на первый план моей жизни выходит внучка, я, к сожалению, не смог вложить в дочку, что мог, я хочу сделать это с внучкой, хотя это труднее, ее могут увезти. Но тем не менее я решил войти в Демократическую партию России, потому что я увидел, что именно членство там нужно такое, потом мне очень понравился Травкин, к сожалению, я не знаю, в какую партию вступит Афасьев...

- В социал-демократическую.

- Уже вступил? Жалко. Ну ничего, мы будем в паре работать, я думаю, что это самое близкое...

- А вы знаете его?

- Я давно за ним слежу, по его писаниям, лично не знаком. С ним очень хорошо знаком Краснопевцов. Ну, а я пока не знаком. Мне он очень нравится. Во всех смыслах. Когда он на съезде выступил со своим "агрессивно-послушным большинством", он был прекрасен, такой пинок, плевок в лицо системе, молодец.

* - А сколько ей?

- Тогда девять месяцев. Твердят, что человека формируют до 3-х лет. А не больше? А вы-то сами? (см. отрыв)

- Я и сейчас пересилюсь. Во многих вещах. Ружеватко.
- Вам будете. Уз - тоже.
- Это и хорошо, это прекрасно, было бы страшно если бы стало иначе.
- Так что у вас много времени.

Я думаю, что три партии будут хорошие, сильные, ну, пока еще одна из них не сформировалась, партия демократического социализма, дем-платформа.

- А как вам кадеты?

- Я их ценю, понимаю прекрасно, но в России слово "кадеты" оно генетически вошло. Ну, а что сделать? Такова жизнь. И я не вижу особых разногласий между этими партиями. Либеральные демократы мне нравятся тоже, даже анархосиндикалисты тоже приятны. То, что компартия говорит и делает - это чудовищно, но в этих партиях я не вижу... Вот единственное, что мне не понравилось - христианско-демократическое движение, я нашел в ней две вещи, из-за которых я отказался участвовать "Как же? Голодац и представитель ХХХ?" меня тоже туда зовут. Я говорю: Я вообще-то готов вам помочь, но они хотят восстановить институт военных проповедников в армии, Господи, мало комиссаров, будут еще проповедники; а во-вторых, их структура полностью повторяет структуру КПСС. Печатный орган, редакцию, у них выбирает не съезд, а ЦК, но у них это называется Дума. Я вчера выступал, может быть, вы слышали, я говорил: чего обрушаются все на многие партии? Во-первых, сама эта критика порочна, вместо одного монстра хотят создать другой монстр, а если он будет таким же массивным, он обязательно станет монстром, пусть лучше будет блок партий, это России сейчас более необходимо, чем создать одну. Кстати, в этом отношении Травкин тоже говорит, что несколько партий - это распыляет силы, он надеется на КМР.ДПР, что она будет ведущей. Потенции у нее больше всех.

- А как вы относитесь к анархистам?

(Решко): - Ну, вот оно! - "гено-тически".

- Меня смешит, в свое время Татьяна Иванова сказал про роман Белова "Все впереди", что это смешная книга. Это блестяще, ~~примитивность~~
больше ничего не надо говорить. Это один смех, ~~примитивность~~
~~Монархисты~~
~~Монархистов~~ - тем более в России. Неужели они думают на основе беззаконного расстрела царя и его семьи возродить монархизм? Это дурость.

- А конституционная монархия?

- Все равно. Она возводилась в Испании, так дело там не в том, что там конституционная монархия, а в том, какой монарх был. Где мы найдем таких монархов?

- А где мы нашли демократов?

- Демократы рождаются сами, по теории вероятности появление истинного правителя нации вне монархических кругов намного выше. Я не верю, что в монархических кругах... Это повезло Испании, что у них такой монарх появился. И выбор оказался мудрый, он молодец, он прекрасно себя проявил и как человек, и как политик, и как монарх. На наших я не надеюсь. И потом они сейчас погоны на себя нацепляют, а кто вас будет производить в прапорщики там или в поручики? А мы сами себя произведем. Ну это же анекдот. Хватит игр, были "Зарницы", которые исковеркали наше юношество, стремление к насилию, ко всей этой дедовщине - отсюда все появляется.

(Конец кассеты)

Первую волна Татьяна Коннова (ког)
Расшифровка Т. Шадринец.